

На правах рукописи

Маштакова Любовь Владиславовна

**Художественное единство поэтических и философско-
критических книг Вяч. Иванова 1900–1917 гг.**

Специальность 10.01.01. – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2017

Работа выполнена на кафедре классической литературы и фольклора Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Созина Елена Константиновна

Официальные оппоненты: **Барковская Нина Владимировна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург),
профессор кафедры литературы и методики ее преподавания

Павлова Лариса Викторовна
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
профессор кафедры литературы и журналистики

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится «30» ноября 2017 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=271600>

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию поэтических и философско-критических книг Вяч. Иванова 1900–1910-х гг., понимаемых как целые и целостные сверхжанровые образования. Вячеслав Иванов (1866–1949), поэт, философ, критик и теоретик символизма, был и остается одной из самых крупных, неоднозначных и сравнительно малоизученных фигур литературы Серебряного века. Он оказал непосредственное влияние едва ли не на все сферы русской культуры начала XX в., а его литературный салон «На Башне», собиравший самых разных деятелей науки, культуры и искусства, стал уникальной и безусловной эмблемой русского модернизма.

Степень разработанности темы. Интерес к наследию Иванова в отечественном литературоведении был всегда, но в советские годы дремал «под спудом». Он возрастает в 1970–1980-е гг., чему способствует издание в 1971–1987 гг. в Брюсселе четырехтомного собрания сочинений под редакцией О. А. Шор (Дешарт). С 1990-х гг. по настоящее время выходит большое количество сборников научных статей, собравших разноплановые исследования его богатого литературного наследия: «Вячеслав Иванов. Материалы и исследования» под ред. В. А. Келдыша, И. В. Корецкой (1996), «Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования» под ред. Л. А. Гоготишвили, А. Т. Казаряна (1999), «Вячеслав Иванов. Творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения» отв. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи (2002), «Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века» отв. ред. А. Б. Шишкин (2006), специальный выпуск журнала «Символ» №53–54 (2008), «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин (2010), «Вячеслав Иванов: pro et contra» сост. К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин (2016) и др. В то же время активные исследования ведутся за рубежом, среди значимых для ивановедения изданий – «Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher» под ред. R. L. Jackson, L. Nelson (1986), «Cultura e memoria: Atti del terzo. Simposio Internazionale dedicato a Vjacheslav Ivanov» под ред. F. Malcovati (1988), «Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae» (1996), «Вячеслав Иванов и его время» под ред. С. Аверинцева,

Р. Циглер (1998), «Cahiers du monde russe» Vol. XXXV. № 1–2 (1994) и публикации русско-итальянского архива журнала «Europa Orientalis», в частности, в «Europa Orientalis»: «Вячеслав Иванов. Между Святым Писанием и поэзией» XXI/2002:1, 2, под ред. А. Б. Шишкина. Универсалистский тип творческой личности Иванова, сложность и многоплановость его литературного наследия обусловили такую же сложную, синтетическую, междисциплинарную методику исследования его поэзии, философско-критической прозы, мемуаров, дневников и других документов, включающую, помимо литературоведческого, философско-эстетический, культурологический, исторический, лингвистический дискурсы. Здесь особо значимы труды С. С. Аверинцева, Р. Берда, Н. А. Богомолова, Т. Венцлова, Ф. Вестбрука, Л. М. Геллера, М. К. Гидини, Л. А. Гоготишвили, П. Дэвидсон, М. Вахтеля, Дж. Веста, К. Г. Исупова, В. Н. Котрелева, Д. М. Магомедовой, З. Г. Минц, Д. Мицкевича, Г. В. Обатнина, А. Пайман, Л. Силард, Е. А. Тахо-Годи, А. Л. Топоркова, М. Цимборской-Лебоды, А. Б. Шишкина и др. Определено место Иванова в общей культурно-исторической парадигме, влияние на его эстетику и поэтику античной культурной традиции (С. С. Аверинцев, Н. В. Брагинская, М. Л. Гаспаров, Н. К. Гудзий, Л. В. Павлова, В. А. Рудич, В. Н. Топоров, Г. Н. Шелогурова), западной средневековой и возрожденческой (А. А. Асоян, П. Дэвидсон, Г. В. Нефедьев, Г. В. Обатнин, А. Б. Шишкин), романтизма (Р. Берд, М. Вахтель), славянско-древнерусских фольклорных и литературных текстов, христианских и иудаистских текстов (Н. В. Быстров, Т. В. Игошева, А. Л. Топорков, С. В. Федотова), Ницше (С. А. Кибальниченко, Э. Клюс, Ю. В. Синеокая, Н. Д. Тамарченко), Вл. Соловьева (С. С. Аверинцев, М. Н. Грабар, Н. В. Котрелев, С. П. Пургин, С. Д. Титаренко, М. Цимборска-Лебода, А. Б. Шишкин) и др. Проанализировано влияние на творчество Иванова русской классической литературы и литературной традиции: Пушкина (А. Г. Грек, Л. А. Лекманов, Д. М. Магомедова, Л. В. Павлова), Тютчева, Фета (А. Г. Грек, Г. П. Козубовская, Д. М. Магомедова, Е. К. Созина), Толстого, Достоевского (М. К. Гидини, В. А. Келдыш, Г. М. Фридлиндер, А. Б. Шишкин). Отдельно рассмотрены отношения Иванова с современниками, взаимовлияние и литературные дискуссии (Н. А. Богомоллов, Т. Венцлова, Е. В. Глухова, О. А. Лекманов, Д. М. Магомедова, З. Г. Минц, П. Дэвидсон, К. Ф.

Тарановский, М. И. Тимошенко). В философско-филологической парадигме определено влияние идей Иванова на М. М. Бахтина (М. Йованович, Н. В. Котрелев, Л. Силард, Н. Д. Тамарченко), А. Ф. Лосева (Р. Берд, В. В. Биbihин, А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи). Обширные исследования посвящены мифопоэтике Иванова и реализации в его текстах конкретных концептов, символов и мифологем, а также отдельным символическим мотивам, пространственно-временным характеристикам, сюжетным схемам (М. М. Бахтин, Н. Л. Быстров, А. Г. Грек, Н. В. Дзугева, А. Дудек, Л. Г. Каяниди, Г. П. Козубовская, И. В. Корецкая, Т. В. Мирзаева, Л. В. Павлова, Л. Силард, Е. К. Созина, М. Ю. Стояновский, С. Д. Титаренко, В. П. Троицкий, С. В. Федотова, О. А. Ханзен-Леве, М. Цимборска-Лебода, А. Б. Шишкин и др.). Поскольку мощный мифопоэтический пласт обуславливает архитектонику целого и поэтических, и философско-критических книг Иванова, работы этих исследователей во многом повлияли на наш научный метод.

Проблема систематизации многообразного творчества поэта была обозначена еще С. С. Аверинцевым и вновь поднята Д. Мицкевичем в 2012 году. Эта проблема, обусловившая **актуальность** настоящей работы, решалась в масштабных диссертационных исследованиях и монографиях последнего времени: «Принципы лирической циклизации в творчестве Вяч. Иванова (“Итальянские сонеты”, “Зимние сонеты”, “Римский дневник 1944 года”))» (2009) В. В. Кулыгиной, «Мифопоэтика Вячеслава Иванова» (2012) С. Д. Титаренко, «Поэтическое творчество Вячеслава Иванова как тематическое единство» (2012) Р. Соколова, «Поэтология Вячеслава Иванова» (2012) С. В. Федотовой. В разнообразных подходах к творчеству Иванова подразумевается художественное единство вкуче его лирики и философско-критических статей, но до сих пор оно не стало предметом специального анализа.

В настоящей работе впервые последовательно проанализированы поэтические и философско-критические книги Иванова дореволюционных лет (включая «Родное и вселенское», 1917), образующие своего рода сверхтекстовое художественное единство. Таким образом, **научная новизна** работы состоит в рассмотрении шести книг Иванова как целостных и цельных образований, связанных между собой мировоззренчески и художественно-эстетически, а отсюда – в формировании

целостного представления о творческом развитии Иванова в 1900–1910-е годы, обусловленном единством его художественного мира, в котором выявлены и проанализированы символично-мифологические, мотивные, архитектурные слои и уровни, объединяющие произведения различной родо-видовой и жанровой ориентации.

Объектом исследования в работе выступают три поэтические книги Иванова: «Кормчие звезды», 1903; «Прозрачность», 1904; «Cor Ardens», 1911–1912 и три философско-критические книги: «По звездам», 1909; «Борозды и межи», 1916; «Родное и вселенское», 1917. Выбор книг продиктован, с одной стороны, единым периодом жизни Иванова (с момента его вхождения в литературу и последующего приезда в Россию в 1905 году до эмиграции в 1924 году), с другой стороны, их составным характером (книги стихов делятся на тома, циклы, микроциклы; книги философско-критические включают блоки статей), что позволяет проследить творческую мысль автора, воплощенную на архитектурно-композиционном уровне. **Предметом** исследования, таким образом, является художественное единство обозначенных книг, их внутренняя архитектурная связность и связанность друг с другом.

Основная **цель** диссертационного исследования – определение принципов, условий и форм выражения единства поэтических и философско-критических книг Иванова 1900–1910-х гг. в совокупности и в каждой книге в отдельности. Для достижения поставленной цели в настоящей работе решаются следующие **задачи**:

1. Анализ идейно-тематических и мотивно-образных комплексов, особенностей субъектной организации, композиции и архитектуры каждой из обозначенных книг.
2. Анализ интертекстуальных связей, биографического и общекультурного контекста книг.
3. На основании результатов анализа – выявление в каждой из книг концептуальной и/или символической художественно-смысловой доминанты; формулирование принципов построения целого вокруг этой доминанты; определение структурных связей и отношений всех указанных компонентов.

4. Определение характера и сущности связей между поэтическими и философско-критическими книгами Иванова указанного периода.

В качестве **материала** исследования привлекается весь корпус поэтических произведений и философско-критических статей, входящих в обозначенные книги, однако их объем позволил включить в текст диссертации анализ только самых репрезентативных стихотворений и статей. Все произведения и книги исследуются в тех вариантах, какие были утверждены самим автором и какими они существуют в изданиях для широкого круга читателей. В некоторых случаях, если это необходимо, привлекаются первоначальные варианты произведений, однако их подробное исследование остается за рамками поставленных задач. При необходимости цитируются письма, дневниковые записи Иванова, стихотворения, не вошедшие в книги, произведения, выходявшие отдельным изданием, и произведения, написанные или изданные после 1924 года. За рамками исследования осталась книга стихов «Нежная тайна» с приложением «Лепта» (1912). Она составлена, как указывает в предисловии сам Иванов, «без определенного плана»¹, стихотворения в ней не образуют отдельных циклов, она невелика по объему и потому менее показательна для исследования в сравнении с предыдущими книгами лирики поэта. «Нежная тайна» может рассматриваться, согласно указанию автора, как продолжение и метарефлексия книги «Cor Ardens», мы оставляем это как перспективу дальнейшей работы.

Методологическую основу работы составляет комплексный подход к творчеству Иванова, сочетающий практическое применение теории художественной целостности, методологии анализа книги как целого и теории книготворчества, принципы феноменологического, жанрологического, структурного-типологического, интертекстуального, нарратологического анализа. Используются методика мотивного анализа и анализа мифопоэтики.

Теоретические аспекты исследования определяются понятиями целого и целостности, обозначенными в работах М. М. Бахтина, М. М. Гиршмана, А. А. Кораблева, Б. О. Кормана, В. И. Тюпы, а также их особенностями применительно к

¹ Цит. по: *Помирчий Р. Е.* Комментарии // Иванов В. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 2. СПб., 1995. С. 327.

творчеству Иванова и в соотношении с понятием всеединства в русской философии и богословии.

Концепция художественной целостности может выступать методологическим основанием анализа книги как целого. Популярные в начале XX в. цикл и книга как циклическое образование (И. В. Фоменко) отвечают запросам переходной эпохи, выполняя мироустроительную и манифестационную функции, обладая сложным и антиномичным единством. Другого рода единство составляют циклы и книги (не всегда обладающие отчетливой циклической природой) критических статей, особенно актуальные для критики Серебряного века. Философско-критические книги Иванова имеют сложный сверхжанровый характер, на первый план в них выходит четко проработанная композиционная структура, соотносимая со структурой книг лирики, а также языковая, речевая, графическая структуры. Книги лирики Иванова разворачиваются от ядра-символа, часто вырастающего в мифологему. Для философско-критических книг этими функциями наделяется основная мысль, идея, и только в отдельных случаях – символический образ, играющий роль идеологического стержня целостного содержательного единства книги. То есть единство книг лирики имеет характер единства более поэтологического и эстетического, а единство книг философско-критических – характер философско-онтологический; при этом через образно-символическое пространство в книгах лирики создается поэтическая онтология Иванова, а идеи философско-критических книг могут развиваться через образно-символический план.

В философско-критических и книгах лирики Иванова в ходе определения их художественной целостности нами выделены следующие структурообразующие доминанты (их значимость и проявленность в каждой книге могут меняться):

1. Идеино-тематическое единство.
2. Единство мотивов и символических образов, вырастающих до мифологем. Сверхсюжетное и мифопоэтическое единство.
3. Единство субъектной организации.

В понимании субъектной организации мы идем за работами М. М. Бахтина, С. Н. Бройзмана, Б. О. Кормана, Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпы, О. В. Зырянова. Сложно

выстроенная субъектная организация отвечает не только авторскому замыслу, но и эстетическим и мистико-религиозным положениям философии Иванова, в особенности идее соотношения я/другой («ты еси»), хотя диалогическое разрешение проблемы «я» и «другого» у Иванова при всей существенной драматизации происходит более на содержательном уровне.

4. Композиционное и архитектурное единство.

Разграничение *композиции* и *архитектоники* понимается как разграничение структуры произведения, «понятой телеологически и осуществляющей эстетический объект»², и ценностной структуры собственно эстетического объекта.

Теоретическое значение исследования состоит в разработке и внедрении на практике подхода к разнообразному творчеству Иванова 1900–1910-х гг. как к художественному единству, позволяющего рассмотреть в данном аспекте как поэтические произведения, так и философско-критические статьи Иванова, включенные в соответствующие книги.

Практическое значение диссертации определяется применимостью аналитической практики исследования к изучению творчества других писателей и поэтов не только Серебряного века, но и иных эпох. Результаты исследования могут быть использованы как при составлении базовых курсов по истории русской литературы XX века, так и в качестве материала к специальным курсам по истории и теории символизма, а также при создании музейных экспозиций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Поэтические книги Вяч. Иванова 1900–1910-х гг. («Кормчие звезды», 1903; «Прозрачность», 1904; «Cor Ardens», 1911–1912) представляют собой сверхтекстовые сверхжанровые целостные образования, единство которых прослеживается на идейно-тематическом, образно-символическом, мифопоэтическом, сверхсюжетном уровнях, на уровнях субъектной организации, композиции и архитектоники. В первой книге, имеющей характер манифеста, происходит поиск символистского метода, его эстетики и прагматики и в свернутом инвариантном виде присутствуют все образно-

² Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 16–21.

символические и сюжетные ряды, развитые в последующих книгах. В книге «Прозрачность», тяготеющей по внутреннему содержанию и сверхсюжетным соответствиям к форме античного дифирамба, усиливается представление о лирическом герое как об участнике некоего мирового и космического действия, на первый план в сюжетном развитии выходит хор. В «Cor Ardens» заимствуются и развиваются символические мотивы, сюжеты и мифологемы предыдущих книг, усиливаются как внутренние сюжетные соответствия, так и менее очевидные мифологические связи. В качестве неявных скреп, несущих целое всей конструкции книги, выступают сюжет о возделывании земли и числовая символика.

2. Философско-критические и эстетические опыты Вяч. Иванова 1900–1910-х гг. («По звездам», 1909; «Борозды и межи», 1916; «Родное и вселенское», 1917) – это целостные книжные образования, воплощающие определенную книготорческую стратегию автора. Каждая из книг обладает внутренним единством, проявляющимся на идейно-тематическом, стилевом, архитектонико-композиционном, паратекстуальном и метатекстовом уровнях. В каждой из книг выделяется идейная доминанта, выраженная в заглавии. «По звездам» обладает сходными с «Кормчими звездами» манифестационными функциями и раскрывает идею становления, религиозного преобразования сознания человека, ознаменованного искусством символизма. «Борозды и межи» углубляет понимание символизма как особого мировидения, перерастающего рамки литературного направления, а в «Родном и вселенском» утверждается его мироустроительная программа.

3. Философско-критические книги Вяч. Иванова так же, как и книги поэтические, представляют собой художественное единство, имеющее единые философско-онтологические, мировоззренческие и художественно-аксиологические основания. Особой значимостью у Иванова наделяются автоцитаты и отсылки к более ранним статьям, поддерживаемые системой образов-мифологем и мифологических сюжетов. Они реализуются в текстах статей как готовые мыслеобразы, отсылая к лирике и наиболее полно в ней раскрываясь. Таким образом создается целостное представление читателя о миропонимании символизма.

4. Три поэтические книги и три книги статей Иванова имплицитно содержат стройную философскую концепцию, символистскую утопию, касающуюся религии, психологии, эстетики, поэтики, социального устройства общества и т. д., образуя *художественное единство*, в которое включается, в том числе, личный биографический опыт автора по реализации этой утопии (жизнетворчество). Первичным принципом сверхтекстового построения является единство содержательно-архитектоническое и формально-композиционное, где первое задается комплексом ценностных установок и идейно-смысловым комплексом и обуславливает второе. Общей центрообразующей и книгосозидательной идеей у Иванова становится идея постоянного диалектического становления. На композиционном уровне она как задает архетипический образ круга или кольца (в отдельных произведениях, циклах, книгах), так и намечает выход за его пределы, превращая любые мыслетворческие проявления в единый и непрерывный процесс.

Достоверность результатов и обоснованность выводов подтверждается широтой привлекаемого к анализу материала, в том числе, собственно авторскими установками Иванова на восприятие его разнообразного творчества как единства.

Апробация промежуточных результатов исследования проходила на научных конференциях: международных (Международная конференция студентов-филологов, Санкт-Петербург, 2011, 2013; IV Информационная школа молодого ученого, Екатеринбург, 2014; Язык. Культура. Коммуникация, Челябинск, 2014; Утопия и эсхатология в литературе, искусстве и философской мысли русского модернизма, Москва, 2015; Грехневские чтения, Нижний Новгород, 2016; Родное и вселенское: к 150-летию Вячеслава Иванова, Москва, 2016); всероссийских (Актуальные вопросы филологической науки XXI века: студенческий взгляд, Екатеринбург, 2012, 2013, 2016; Дергачевские чтения, Екатеринбург, 2012, 2014, 2016; Литература и история - грани единого (к проблеме междисциплинарных связей), Екатеринбург, 2013; Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и в школе (Лейдермановские чтения), Екатеринбург, 2014, 2016; Кормановские чтения, Ижевск, 2015).

Основные положения диссертации изложены в 3 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ, и в 12-ти статьях автора, посвященных особенностям поэтики Иванова, а также принципам организации его книг и его художественной философии.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются объект и предмет исследования, его научная новизна, формулируются цель и задачи, описывается анализируемый материал, освещаются использованные методы, теоретические аспекты исследования, теоретическая и практическая значимость работы, представляются основные положения, выносимые на защиту. Также дана структура диссертации с кратким описанием трех глав, оговаривается логика анализа: три книги лирики и три философско-критические книги Иванова рассматриваются в системе переключек между стихотворениями, циклами и статьями внутри книг и друг с другом.

В первой главе **«Целостность книг лирики “Кормчие звезды” (1903) и “Прозрачность” (1904)»** книга «Кормчие звезды» рассматривается как манифест символизма, «Прозрачность» – как метарефлексия опыта «Кормчих звезд». В начале первой главы обозначается тип творческого сознания и пути Иванова, сформулированный С. С. Аверинцевым как «исток-возврат-затвор»³, обуславливающий принципиальную неизменность творческой стратегии поэта, целостность и системность всех ее проявлений.

Символизм Иванова действительно «творится», это значит, что каждая деталь его стройной системы обладает вполне определенным символическим значением. Художник в этом смысле наделяется функцией строителя, выверяющего каждый шаг при возведении целого книги. Все части этого целого, все его элементы при

³ Аверинцев С. С. «Скворещниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001. С. 127–128.

определенной самостоятельности подчинены единой мысли и синергичны друг другу. Так выстраивается у Иванова и поле символа, вырастающего до архетипа (в каждом своем конкретном проявлении он содержит все существующие и потенциальные смыслы), и композиция его книг, имеющих сложную структуру, где каждый член композиции – одновременно самостоятельное целое и часть целого книги.

В содержательном отношении этому принципу соответствует методически реализующийся миф. Миф – необходимое условие для символизма как «последовательно применяемого метода» (В. И. Иванов). Сложный синтез античной и славянской мифологии, философских и религиозных учений, преломляясь в свете творческой и философской мысли поэта, образует собственно ивановскую неомифологию. Последовательному становлению мифа способствует форма цикла, где циклообразование является «мифопорождающей стратегией»⁴. Вместе с тем и цикл, и циклизация наделяются символическим значением, относят нас к символике круга, важной для Иванова, и задают логику развития мифа.

В параграфе 1.1. «**Становление поэтической стратегии в книге “Кормчие звезды”**» рассматривается первая книга лирики Иванова, сознательно выстраиваемая автором как манифест символистского искусства. Она отражает многолетние художественно-эстетические, духовные и философские искания автора, поэтому ее внутренний лирический сюжет, связующий отдельные стихотворения и целые циклы, строится вокруг лейтмотива пути и поиска. Центральным символическим образом здесь становится Красота, персонификация трансцендентной идеи Премудрости Божьей. Прозрение и обретение духовного пути лирическим героем в «Кормчих звездах» связано с мистической, эстетической и онтологической функцией Красоты (среди значимых в этом аспекте – работы А. Г. Грек⁵, В. Н. Котрелева⁶). Другой важный мотив – труд, работа, мироустроительное «религиозное делание» посредством, в том числе, символистского искусства, связанное с влиянием Вл. Соловьева.

⁴ Титаренко С. Д. «Фауст нашего века»: мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб., 2012. С. 287.

⁵ Грек А. Г. Красота мира в «Кормчих звездах» Вячеслава Иванова // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 321–334.

⁶ Котрелев Н. В. «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: к 125-летию со дня рождения. М., 2002. С. 7–18.

В книге двенадцать неравнозначных по объему циклов. Их последовательный анализ дает представление об их идейно-тематическом, мотивно-образном и символическом, архитектурном единстве, а также о связывающем из сверхсюжете: это путь лирического героя от эпифании Красоты и обретения мистического зрения до принятия духовного пути с его искушениями; от звездной символики (звезда-кормчий, звезда-вожатый) – к мощной солнечной (Дионис-Солнце, Христос-Солнце). А на уровне авторском – это спокойствие и созерцательность с позиции уже обретенного мистического пути, обращение к прошлому опыту и наставление на этот путь читателя. Этот сверхсюжет задан уже в заглавном стихотворении книги, имеющем также формальную функцию объединения.

Наиболее подробно в работе рассмотрен цикл «Порыв и грани» и, соответственно, символика порыва и граней в цикле и книге. Выделяются следующие актуальные для нее значения:

- стихийный дионисийский порыв, преобразующий ограниченное земное бытие человека;
- как следствие первого, выход из сознания я-субъекта к переживанию другого как ты-субъекта (ивановское учение о «ты еси»);
- искушение богоборчества на пути к Богочеловечеству (границы избранного пути);
- на уровне эстетическом «ограниченный» порыв – метафора символистского творчества, возникающего в точке экстаза, «ноуменальной открытости» «обнаженной бездне»⁷, но при этом приведенное в согласие с земными формами поэтического языка. Результатом творчества такого рода и является, по сути, книга «Кормчие звезды», обладающая внутренней сюжетной и символической диалектической напряженностью стихотворений и циклов и элегическим настроением целого.

Цикл «Порыв и грани» представляется своеобразным поэтическим истоком, где в свернутом виде представлены все символические цепочки и параллели, раскрывающиеся и сопрягающиеся в последующих циклах.

⁷ *Иванов Вяч. И.* Заветы символизма // *Иванов Вяч. И.* Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 589.

Согласно сложной многоуровневой идейно-тематической составляющей книги, неоднородны проявления лирического я Иванова. Ему соответствуют несколько ипостасей лирического героя, сменяющих друг друга иногда даже в рамках одного стихотворения: это *путник и мистик*, жрец страдающего Бога, исследователь тайн мироздания и собственной души; это *философ* и метапсихолог, созерцающий уже пройденный путь; это *символист-прагматик* и практик, ставящий перед собой реальные задачи переустройства общества и сознания читателей, порой манипулирующий читателем, вступающий с ним в реальный диалог. Последняя ипостась, близкая по своим задачам автору-творцу, введенная в лирический сюжет, может незаметно подменять первую, как это происходит в стихотворении «Творчество». Взаимодействие с читателем, непосредственное на него влияние – в конечном счете и есть главная задача книги. Читатель как бы включается, втягивается в единый хор голосов в книге, через сложные интертекстуальные связи, систему посвящений и эпитафий, сложную композиционную структуру перед ним открываются одна за другой новые смысловые пространства, снимаются с глаз «повязка за повязкой»⁸.

Если в «Кормчих звездах» формируется творческая стратегия Иванова-символиста: методичное воздействие на читателя и общество, продолжение религиозного труда, «делания» его учителя, Вл. Соловьева, то «Прозрачность» поддерживает эту установку, но эксперимент с жанром, в том числе с возвращением древнего жанра, выходит здесь на первое место, задавая всей книге тон древнегреческого дифирамба. Это не только психологическая, но и эстетическая метарефлексия «Кормчих звезд». Анализу второй книги лирики посвящен параграф 1.2. **«Книга “Прозрачность”: метарефлексия на книгу “Кормчие звезды”».**

Книга содержит шесть пронумерованных разделов, из которых только третий и шестой имеют заглавия – «Сонеты» и «Хоры мистерий» – и один не имеет нумерации – «Примечание о дифирамбе». Если озаглавленные разделы могут создать впечатление формального объединения составляющих их стихотворений только по жанровому

⁸ Блок А. А. Творчество Вяч. Иванова. От «Кормчих звезд» к «Прозрачности» // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 194–206.

признаку, то нумерация всех частей скрепляет целое книги на композиционном уровне. «Примечание о дифирамбе», имеющее вводную эссеистическую часть, усиливает восприятие книги как труда не только практического, но и теоретического, результата своеобразной апробации символистского метода.

Единый сюжет книги построен на всматривании в грани кристалла Прозрачности (атрибут, свойство или другое название Красоты), на вглядывании в ее отражения, в наведенное зеркало зеркал. Его главное действующее лицо – хор. Это обуславливает своеобразие «мы» у Иванова. При предельной актуализации мотивов, связанных с тайнами человеческого микрокосма, «Прозрачность», по сравнению с «Кормчими звездами», почти лишена лирического я. «Мы» в данном случае может трактоваться и как «размытое “я”», раздвинутое за пределы лица⁹ (как смена «я» и «мы» у Тютчева¹⁰). Но это суждение будет верным при абстрагировании от философско-эстетических установок Иванова. «Мы» Иванова – это осознание себя частью всечеловеческого «вселенского мы», связанного генетической памятью и с землей, и с трансцендентными первоначалами («И корни – свет ветвей, и ветви – сон корней, И все одержит ствол великий»¹¹).

«Книжный» характер «Кормчих звезд» и «Прозрачности» безусловен, они генетически связаны, именно в них происходит возникновение и развитие символистского метода поэта. Иванов ищет и находит в этих книгах механизмы взаимодействия с читателем, могущие реально изменить «сокровенный состав личности»¹², то есть реконструирует и реализует древнюю жреческую прагматическую функцию лирики. Две книги могут пониматься и как поэтический исток. Большинство эксплицированных в них символических мотивов Иванов заимствует и развивает в книге «Cor Ardens». Ее анализ выделен во второй главе диссертации «Принципы целостности книги «Cor Ardens» (1911–1912)».

В параграфе 2.1. «“Cor Ardens” как целое: традиции исследования и интерпретации» обобщаются наиболее очевидные принципы целостности книги,

⁹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 268.

¹⁰ Созина Е. К. Дискурс сознания в поэтическом мире Тютчева // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе. Екатеринбург, 2001. С. 62.

¹¹ Вяч. И. Иванов. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 1. С. 747.

¹² Ghidini M. С. Понятие внутренней формы у Вячеслава Иванова // Cahiers du Monde russe. 1994. Janv.–juin. Paris, 1994. P. 82.

выделенные в ивановедческих научных статьях и монографиях. Лирический герой «Cor Ardens» проходит определенный путь на протяжении циклов и книг, поэт подчеркивает этапы этого пути четким разделением книги на микроциклы, циклы и книги-главы. Этот путь взаимообусловлен житнетворческой стратегией автора, которую можно обозначить строкой из «Фауста» Гете, повторяющейся в разных его произведениях разных периодов жизни: «к бытию высочайшему стремиться неустанно».

«Cor Ardens» строится на дихотомии оппозиций, имеющих философско-религиозно-мифологический подтекст. Сложный единый метасюжет протянут от заглавного символа горящего Сердца-Солнца к символу Розы. Помимо мотивов пути и познания, центральным событием в книге Иванов делает осмысление смерти через метафорику горения и перехода пламени в свет (действительная трансформация духа через земную смерть). К этому мистическому событию стягивается символика всех пяти книг-глав, составляющих «Cor Ardens», соединяя массивные и формально самостоятельные части внутри целого.

Общие суждения о целостности «Cor Ardens» углубляются и конкретизируются в двух параграфах второй главы.

Параграф 2.2. «Символические мотивы обработки земли и прорастания семени в книге “Cor Ardens”» посвящен символике земли в книге, архетипическому общекультурному сюжету возделывания поля и комплексу символов и мотивов, связанному с семенем и плодом у Иванова. Особо выделен в анализе первый том книги, в сверхсюжете которого наиболее ярко выражены указанные мотивы и символы.

«Земледельческий» миф не является универсальным для систематизации творчества поэта, однако позволяет выявить архитектурные связи между стихотворениями, циклами «Cor Ardens», а также между «Cor Ardens» и другими книгами лирики и философских опытов.

В параграфе **2.3. «“Существование” числа: числовая символика “Cor Ardens”»** идея числа рассматривается и как метафизическая, и как формальная, логическая скрепа книги. В исследовании привлекается весь корпус «Cor Ardens», но

подробнее с позиции числового символизма освещена книга пятая «Rosarium». Рассматриваются как конкретные числовые проявления (количество книг, частей в цикле и т. п.), так и собственно числовые номинации; выделяются особо значимые и частотные в книге числа-символы, анализируется их плотная взаимосвязь со сверхсюжетом «Cor Ardens», протянутым от мифологемы Солнца-Сердца к мифологеме Розы.

Анализ числового символизма продуктивен в методологическом отношении: ряд исследователей представляет числа как художественные и поэтические универсалии, репрезентирующие «архетипические смыслы мировоззрения человека»¹³.

Представление поэта о числе и его роли в художественном произведении реконструирует мифологическое мышление, в котором, согласно Э. Кассиреру, «у каждого числа – своя собственная сущность»¹⁴. Для Иванова число не только «существует», «считается вещью»¹⁵, но и равно образу-символу. То есть символичны не только номинации числа, но число-символ эксплицируется в композиции «Cor Ardens», действует наравне с символом, а не просто поддается его влиянию, создает внутритекстовую проекцию микро- и макрокосма.

Рассмотрение книги «Cor Ardens» с обозначенных позиций позволяет определить разные ресурсы, которыми создается ее целостность. Символика земли, поля и семени актуализует фольклорную календарную мифологию, поддерживающую сверхсюжетную связанность книги и ее внутреннее мотивно-образное, содержательно-архитектоническое единство. Плодотворно выделение этого важного символического гнезда для сопоставления лирики Иванова и его философско-критической прозы, в частности, книги «Борозды и межи». Анализ числовой символики дает представление не только о внутрисюжетном, идейно-тематическом числовом символизме, но и о глубокой символике внешних композиционных соответствий (формальный уровень), создавая целостное представление о «Cor Ardens» как о своеобразной символистской энциклопедии.

¹³ *Ludmila Mnich*. «Заметьте число, господа...». Siedlce, 2016. С. 86.

¹⁴ Э. Кассирер. Философия символических форм. Т. 2. М.–СПб., 2002. С. 151.

¹⁵ *Титаренко С. Д.* «Фауст нашего века». С. 262.

В главе 3 «Книги философско-критических эссе Вяч. Иванова как единство» определяются принципы целостности каждой из трех книг философско-критической прозы поэта («По звездам», «Борозды и межи», «Родное и вселенское»). Каждая из них обладает не только внутренней целостностью, но и является частью его цельного и как бы равного самому себе во всех своих проявлениях творческого пути. Подход к ним как к целым и целостным единствам – своего рода сверхжанровым образованиям – помогает понять принципы организации художественной философии Иванова.

В предисловии ко второй книге философско-критических статей «Борозды и межи» Иванов говорит о «едином мирозерцании», основы которого заложены в книге «По звездам». Это «единое мирозерцание» созидает *художественное единство* трех книг Иванова. В содержательном плане оно реализуется в единстве идейном и тематическом, будь то сфера литературы, истории, эстетики, философии, религии, психологии или политики. При этом переход из одной сферы в другую возможен на уровне как отдельной статьи, так и всей книги. В плане выражения целое книги образуют образно-символический, композиционный и сюжетный уровни.

Единство идейно-тематическое философско-критических книг Иванова проявлено в трех основных аспектах:

- философско-религиозном с религиозно-психологическим под-аспектом;
- историософском;
- художественно-эстетическом.

Им соответствуют три разных, но взаимообращенных ипостаси автора, объединенные его «единым мирозерцанием»:

- автор-философ и отчасти психолог;
- автор-историософ;
- автор-критик и теоретик.

При этом для первых двух характерен тип говорения как бы «не от собственного имени, а от имени того загадочного соборного существа, которое нельзя ни измерить,

ни объять умом», как отметил Л. Шестов¹⁶. В художественно-эстетическом аспекте автор, теоретик и критик, – это прежде всего мэтр искусства символизма, вещатель новых истин, проговаривающий их то на языке намеренно темном, требующем специальной дешифровки (по закону символа, который «всегда темен в последней глубине»), то на языке афоризма, действительно позволяющего искусству слова претендовать на звание «веселого ремесла» и «умного веселья». Эти ипостаси соотносимы с явлением гетерономии в лирике, но, безусловно, более близки, максимально близки как автору-творцу, так и собственно биографическому автору.

В каждом разделе есть статьи, посвященные преимущественно одному из указанных аспектов, хотя чаще затрагиваются все. И каждая из трех книг выдвигает на первый план один из аспектов, так или иначе подразумевая два другие. То есть в каждой книге присутствует своя ценностно-смысловая доминанта.

В книге «По звездам» (параграф 3.1. **«“По звездам”»: манифест визионерского искусства**) такой доминантой, концептуальным ядром, ведущим символическим мотивом становится мотив становления, превосхождения себя, мотив, свойственный модернизму в целом¹⁷. В 1905 г. Иванов определяет этот мотив-принцип в терминах восхождения и нисхождения, описанных в «Символике эстетических начал». Конкретно-личностный аспект и смысл его здесь безусловен, на нем надстраиваются творческий и социальный аспекты. Творческий раскрывается через провидение художника-пророка, социальный – через идею мистического анархизма (дух нового общества) или идею новой органической эпохи (устройство нового общества). Концептуальное ядро книги раскрывается, в свою очередь, через три символических мотива: одержание Дионисом, погружение в лабиринт души и его преодоление, принятие мистического анархизма в социальном и религиозном аспекте (от микро- – к макрокосму). Один мотив подразумевает и раскрывает другой.

В соответствии с выделенным концептуальным ядром в параграфе рассматриваются композиция «По звездам», ее идейно-тематический комплекс,

¹⁶ Шестов Л. Вячеслав Великолепный // Собр. соч. М., 1993. Т.1. С. 244.

¹⁷ См.: Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография-рефлексия-письмо. СПб, 2008. С. 3.

жанровые особенности книги, особенности языка художественной философии Иванова, символика заглавий и обложки.

Выделенные символические мотивы диктуют тематическую композицию четырех отделов книги «По звездам», тематический вектор книги: от определения дионисовой и аполлонической сил (статья «Ницше и Дионис»), от культурных знаков духовного кризиса – к определению задач художника, теургическому аспекту символического творчества. Теургическая функция искусства выходит к его социальным аспектам, обуславливает утопию всеединства. Идея всеединства подразумевает конкретно-личностное переживание каждого, индивидуальное мистическое «перерождение» (эссе «Ты еси»). Психические подсознательные индивидуальные процессы сопряжены с аналогичными космическими процессами – это финальная мысль книги. Статьи и отделы связаны тематическими кольцами, самое большое из которых соединяет первую и последнюю статьи: финальное «Ты еси» продолжает в преломлении процессов бессознательного тему первых статей «Ницше и Дионис» и «Кризис индивидуализма». То есть самый большой тематический вектор книги – от осознания себя, индивидуалистского «Я есмь», и безысходности этого пути – к соединению с божественным, «Ты еси» (ср.: мелодея «Человек», 1939).

Разные аспекты я-становления реализуются через узловые образы-символы, каждый из которых связует отдельные статьи книги «По звездам» между собой и с книгами лирики. Это разворачивание мысли и мифа из образа-символа сообразно художественным установкам Иванова-поэта. Одна из центральных мифологем – Дионис. Из одержания дионисовой силой, за которым следует прозрение, вырастает образ-символ Художника, «медиума народа-художника»¹⁸. Он одновременно и предводитель народного хора, его часть, и провидец, жрец Диониса, обладающий тайновидением и тайнознанием. Дионисийское безумие связано с третьим образом-символом, который наиболее полно раскрывается в лирике Иванова, – это женское начало, имеющее разные имена (Менада, Диотима, Психея, Исида, Змея, Роза, Мировая Душа и т. д.). Точнее, образом-символом оно становится в своих конкретных внутритекстовых проявлениях и как инвариант является, скорее, абстрактной идеей,

¹⁸ Вяч. И. Иванов. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 77.

трудно определяемой одним обобщенным образом. Образы-символы, образы-мифы становятся в книге как бы ключами, кодом к целому мысли, ее «кормчими звездами». С их помощью Иванов создает единое полотно сверхтекстуального пространства книги, они выстраивают мифологические сюжеты, становящиеся своеобразной матрицей как для поэтического творчества, так и для критической и философской мысли; они организуют композицию и архитектонику книги.

Книга «Борозды и межи» (параграф 3.2. «**“Борозды и межи” – книга “тризны” по символизму**») продолжает развивать принципы «единого мирозерцания», обозначенные в «По звездам», и рассматривается в диссертации через метафору возделывания поля, подсказанную заглавием, и раскрывающуюся в центральных мотивах труда, эстетического и религиозного делания и преодоления смерти в символистском искусстве.

На какую почву упало семя символизма и что подготовило эту почву – главный вопрос книги «По звездам», дало ли оно всходы – главный вопрос книги «Борозды и межи». В отличие от первой философско-критической книги, она всецело посвящена «эстетике и поэтике» символизма, ее генезису и путям развития. Она лишена также открытого догматизма, присущего «По звездам», но четко структурирована и по своей форме тяготеет к жанру трактата.

В параграфе последовательно рассматриваются четыре раздела книги, прослеживается развитие теории символизма. Особое внимание уделяется первому разделу, «Героические тризны», в котором определяется литературный исток эстетики и прагматики символизма, его три «кита»: Достоевский, Толстой, Соловьев. Анализ творческого метода и творческого пути трех художников с позиций духовных открытий, отразившихся в открытиях эстетических, позволяет говорить о складывании своеобразной матрицы символистского художника в теоретических статьях Иванова (под символизмом понимается уже не направление, а целостное миропонимание), продолжающейся во втором разделе, целиком посвященном теории и практике символизма. Принципы символистского творчества описываются поэтом в собственной, складывающейся еще в первой книге статей, терминологии:

- принцип восхождения и (обязательно) нисхождения, объединяющий земное и небесное (аспект содержания), в этих же терминах описывается главная идея христианства;
- принцип облачения (в противовес *разоблачению*), воплотившийся в форме трагедии и трагической маски (аспект формы);
- принцип внутренней формы (у Иванова – *forma formans e forma formata*, «форма зиждущая» и «форма созижденная» или принцип «двойного как»), приводящий в соответствие форму и содержание;
- принцип мистического диалектического единства с другим, воплотившийся в теургии (аспект действия).

Наложение этой матрицы на творчество того или иного художника формирует критический метод поэта, согласно которому одни остаются в ряду живых и после смерти, а другие проходят «мимо жизни»¹⁹. В этом аспекте важным становится смысловое наполнение местоимения «мы», частотного в книге. Это не только говорение от лица «соборного существа», но и референтное мы, подчеркивающее принадлежность автора к символистскому кругу, как это наблюдается в поэзии Иванова (ср. «Поэты духа», «Прозрачность»).

В параграфе также прослеживается последовательное формирование теории символизма на материале статей разделов «Искусство и символизм» и «Игры Мельпомены», задающее их идейно-тематическую целостность. Особо рассматривается статья «О границах искусства», поддерживающая символику названия целого книги и образно и символически связанная с поэтическим циклом «Порыв и грани» («Кормчие звезды»).

Последний раздел книги «Одинокие могилы», посвященный творчеству Анненского и Чюрлениса, через тему откровения и его художественного воплощения, а также через будущие задачи символизма становится тематически противопоставлен первому, «Героические тризны», образуя кольцевую композицию книги, внешне и внутренне выстраивая границы «поля» символизма. К 1916 году Иванов уже может

¹⁹ «Мимо жизни» – так названа статья Иванова, посвященная творчеству Мережковского и вошедшая в книгу «Родное и вселенское».

оглядеть это «поле» и оценить проделанную на нем работу, а также уверенно доказать современникам, что символизм не умер, но жив и продолжает искать пути к новому соборному вселенскому искусству. В то же время очевидна связь «Борозд и меж» с первой книгой философско-критических статей Иванова «По звездам». От «звезд» первой книги, от прозрений более религиозного порядка автор как бы спускается к земле, «бороздам и межам» на ней, подводит черту своей творческой работе и определяет дальнейшие задачи. Главная из этих задач, мироустроительная, приобретает космические масштабы и становится во главе третьей книги статей Иванова «Родное и вселенское». Ее разбору посвящен параграф **3.3. «Метафизика русского самоопределения в книге “Родное и вселенское”»**.

В параграфе 3.3. определяется смысловое и символическое наполнение двух центральных для философии и творческой стратегии Иванова концептов, вынесенных им в заглавие книги. Подчеркивается важность исторических событий, происходящих на момент написания Ивановым статей и докладов, вошедших в книгу (Первая мировая война и революция 1917 года), проводятся параллели с поэтическими произведениями Иванова, опубликованными в это время, идейно-тематическое наполнение книги рассматривается в контексте как предыдущих философско-критических и поэтических книг поэта, так и произведений других авторов символистского круга.

На первое место в книге выходит вопрос самоопределения России и русского народа, понимаемый не только как русское или славянское, но как «вселенское дело» и становящийся, прежде всего, вопросом духовного развития. Метафорически народное самоопределение знаменуют три культурных символа: Гете (точнее – Фауст), Байрон, Достоевский (точнее – Алеша Карамазов). Каждый из них в художественной философии Иванова становится идеологемой, несущей послание миру и могущее при правильном прочтении мир изменить. Для Иванова важна и индивидуальная творческая сила гениев, выходящая в пределы «вселенские», и – обратно – вневременной характер этого послания, *message*, делающий вселенское – родным, актуальным, насущным. Все три фигуры уже становились предметом рассуждений Иванова в более ранних статьях. В параграфе 3.3. прослеживаются

незначительные изменения в трактовке идей Гете и Байрона, связанные с ощутимой ангажированностью автора политическими событиями 1914–1917 годов.

Отдельно рассмотрены в параграфе статьи, написанные Ивановым в 1917 году после Октябрьской революции. Патетический тон первых статей в книге здесь сменяется иронией и самоиронией автора по поводу возможности самоопределения России и духовной революции. Смена настроения в статьях и образно-символический ряд сравниваются в конце параграфа 3.3. с циклом «Година гнева» («Cor Ardens»).

В целом, три книги Иванова, вышедшие с 1909 по 1917 годы, воплощают его «единое мирозерцание» в идейно-тематическом, композиционном, мотивно-образном, символично-мифологическом единстве. Многочисленные переклички более поздних статей с более ранними, обширная автоцитация позволяют говорить о его философско-критическом творчестве как о художественном единстве. Несмотря на жанровое и тематическое многообразие каждой книги, в них можно выделить идейное ядро, часто эксплицированное в названии. Так, для книги «По звездам» будет существенно важен мотив восхождения, особенно – познающей, восходящей, пребывающей в постоянном становлении души («Ты еси»). На учении «ты еси» зиждется искусство символизма, дающее импульс к качественному преобразованию действительности. Книга «Борозды и межи» не только оглядывает символизм «с его окраин» как уже свершившееся явление, но и полностью сосредоточена на его эстетических основаниях, коренящихся в прошлом и направленных в будущее (и зароненные в землю семена, и грядущие всходы). Если символизм как направление уже изжит, символизм «как миропонимание» не только жив, но и является единственно верным способом познания мира. Наконец, «Родное и вселенское» провозглашает религиозное перерождение и обновление («ты еси») как вселенское дело целой страны и нации по переустройству мира. Ключевые идеи книг поддерживаются или реализуются через систему мифопоэтических мотивов и символов, наиболее ярко и многопланово раскрытых в поэзии Иванова. Ядерными мифопоэтически осмысленными культурными образами являются фигуры Ницше, Достоевского, Гете, Пушкина, Байрона, а наряду с ними – Фауста, Гамлета, Дон Кихота и др. В метапсихологии, религиозной мысли и космогонии Иванова это

трудноопределимые одним словом-образом стихии, трансцендентные начала, чаще всего именуемые Дионис, Аполлон, Мировая Душа, Отец, Сын. Отдельно складывается идеализированный образ Художника, творца и пророка, мистика, находящегося в постоянном становлении и взаимодействии как с чувственно постигаемыми первоосновами мира, так и с мировой культурной историей. Сходные космогонические образы-мифологемы выделяются и в лирике Иванова, но их реализация в поэтическом тексте качественно иная. Будучи помещенными в лирический сюжет, они и раскрываются в нем, обретают голос, многочисленные характеристики, переживают метаморфозы, и одновременно обнаруживают свою конечную принципиальную нераскрываемость, семантическую неисчерпаемость и имманентность сознанию реципиента (архетипичность). В философско-критических книгах они присутствуют, скорее, как готовые мыслеобразы, объясняющие ту или иную мысль, и менее способны к различным трансформациям. Благодаря в том числе этому факту связываются лирика Иванова и его философско-критические статьи не просто в контексте творчества одного автора – одно адресуется к другому, формируя целостное представление читателя о миропонимании символизма.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования, в свете проделанного анализа утверждаются принципы целостности и поэтических, и философско-критических книг Иванова в отдельности, и принципы в целом их художественного сверхтекстового единства. Установка творчества Иванова на единство и целостность, отмеченная как его современниками, так и специалистами-ивановедами, вряд ли может подвергаться сомнению. Однако конкретные принципы и формы выражения этого единства, выявленные на обширном материале и связующие все многообразные проявления творческой мысли Иванова, впервые выявлены в ходе настоящего диссертационного исследования.

Первичным принципом сверхтекстового построения вкуче философско-критических и поэтических книг Иванова нам видится единство содержательно-архитектоническое и формально-композиционное, где первое задается идейно-смысловым комплексом и обуславливает второе. Центрообразующей идеей у Иванова становится идея постоянного диалектического становления в августирианско-

гегелевском ключе, распространяемая на религиозную, психологическую, социальную, политическую и эстетическую области и упреждающая истинность рационального познания. На уровне композиции идея становления и познания задает архетипический образ (или, по Иванову, «форму-первообраз»²⁰) круга или кольца, проявляющийся как в отдельных произведениях, так и в циклах и книгах. Одновременно с этим намечается диалектическое размыкание колец. А. Е. Барзах связывает эту особенность с ивановским пониманием конечности бытия: «Конец книги, как семиотически выделенное место, у Иванова практически отсутствует ... – конца нет, смерти нет – есть лишь начало, исток, куда можно вернуться»²¹. Такое видение смерти – эстетически выраженная индивидуально-личностная позиция поэта: «Он рассматривал жизнь как путь к смерти ... как к осуществлению истинной формы, сокровенной сути нашего “я”»²². В этом смысле жизнь, смерть и творчество для него становятся взаимосвязаны, поскольку и то, и другое восходит не столько к прозрению, узрению, сколько к платоновскому припоминанию единства высшего порядка. Так Иванов становится обращенным одновременно в будущее и вспять – к хоровому единому, сменяющему разнообразное многое, воспринимая культуру как непрерывно свершающийся мировой и индивидуально-личный анамнезис, что и воплощают (для эпохи, для вечности) три его поэтических и три философско-критических книги.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:*

1. Маштакова Л. В. «Существование» числа: числовая символика в книге Вяч. Иванова «Rosarium» // Известия Уральского университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 197–207. 0,7 п. л.

2. Маштакова Л. В. Книга как целое в творчестве Вяч. Иванова: «По звездам» (1909) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета

²⁰ Вяч. И. Иванов. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 156.

²¹ Барзах А. Е. Материя смысла // Иванов В. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 1. СПб., 1995. С. 9.

²² Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым. М., 1999. С. 126.

технологии и дизайна. Серия 2 : Искусствоведение. Филологические науки. 2016. № 2. С. 95–101. 0,7 п. л.

3. Маштакова Л. В. Поэтический цикл «Порыв и грани» в системе художественного целого книги Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (1903) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2017. Вып. 2. С. 192–200. 0,8 п. л.

Другие публикации:

4. Маштакова Л. В. Система символов и их метаморфозы в сборнике Вяч. Иванова «Cor Ardens» (первая часть) // XV Международная конференция студентов-филологов, СПб., 20–27 апреля 2012 г. : тезисы докладов. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 243–244. 0,09 п. л.

5. Маштакова Л. В. Система «солнечных» образов-мифологем и их метаморфозы в сборнике Вяч. Иванова «Cor Ardens» (первая часть) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: студенческий взгляд : сб. ст. по материалам II Всеросс. студ. науч. конф. (10 февр. 2012 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2012. С. 357–363. 0,3 п. л.

6. Маштакова Л. В. Система женских образов-мифологем и их метаморфозы в сборнике Вяч. Иванова «Cor Ardens» (первая часть) // Дергачевские чтения-2011: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы Всеросс. науч. конф. (Екатеринбург, 6–7 окт. 2011 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 237–241. 0,2 п. л.

7. Маштакова Л. В. Книга стихов «Эрос» Вяч. Иванова в аспекте психоанализа З. Фрейда // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: студенческий взгляд : сб. ст. по материалам III Всеросс. студ. науч. конф. (8 февр. 2013 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2012. С. 121–127. 0,3 п. л.

8. Маштакова Л. В. Диалог с Анимой в книге «Эрос» Вяч. Иванова (в свете концепции «Анима и Анимус» К. Юнга) // Международная конференция студентов-филологов, СПб., 8-13 апреля 2013 г. : тезисы докладов. Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 230–231. 0,1 п. л.

9. Маштакова Л. В. Миф и история в цикле стихотворений Вяч. Иванова «Година гнева» // Литература Урала : история и современность : сб. ст. Вып. 7 : Литература и

история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей) : в 2 т. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2013. – Т. 2. С. 71–76. 0,3 п. л.

10. Маштакова Л. В. «Cor Ardens» Вяч. Иванова: поэтика заглавий пяти поэтических книг // Движение времени и законы жанра : XVIII Всероссийская научно-практическая конференция словесников «Лейдермановские чтения», Екатеринбург, 4 апреля 2014 года. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 75–78.

11. Маштакова Л. В. «LA SELVA OSCURA» Вяч. Иванова: к вопросу о семантике формы // Материалы IX Международной научно-практической конференции молодых ученых «Язык. Культура. Коммуникация». Челябинск, ЮУрГУ, 19-20 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journals.susu.ru/lcc/issue/view/2>. 0,3 п. л.

12. Маштакова Л. В. Книга стихов «Cor Ardens» Вяч. Иванова: особенности архитектоники // IV Информационная школа молодого ученого : сб. науч. трудов. Екатеринбург: ООО УЦАО, 2014, стр. 97–103. 0,3 п. л.

13. Маштакова Л. В. «Rosarium» Вяч. Иванова: особенности символики числа три // Дергачевские чтения-2014: Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций: материалы XI Всеросс. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 6–7 окт. 2014 г.). Екатеринбург: ФГАОУВПО Уральский федеральный университет, 2015. С. 86–90. 0,3 п. л.

14. Маштакова Л. В. Обложка философских, эстетических и критических опытов Вяч. Иванова «По звездам» (1909) в контексте жанра книги // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. статей V Междунар. науч. конф. молодых ученых (12 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2016. С. 284–288. 0,3 п. л.

15. Созина Е. К., Маштакова Л. В. Книга Вяч. Иванова «По звездам»: принципы «единого мирозерцания» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 1. С. 102–112. 0, 7 п. л. (авторские не разделены)